

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ASSOCIATES PROGRAM

In grateful recognition
of

Charles S. Whitman III
Class of 1964

for generous support of the
Harvard College Fund

1992-1993

The Harvard College Library

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССУ.

1896.

І Ю Н Ъ .

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.
1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	56
Д. Н. Анучинъ. Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и объ ихъ прирученіи въ Россіи	223
Д. О. Кобско. Разрѣшительныя грамоты іерусалимскихъ патриарховъ	270
В. Ф. Миллеръ. Отголоски галицко-волыноскихъ сказаній въ современныхъ былинахъ	280
Е. Ф. Шмурло. Замятка по вопросу о началѣ русскаго флота при Петрѣ Великомъ	327
Э. Л. Радловъ. Нѣсколько замѣчаній о философіи Н. Н. Отрахова	339

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Жизнь и труды М. П. Погодина <i>Н. Барсукова</i> . Книга X. С.-Пб. 1896	362
В. В. Вартольдъ. <i>Léon Cahin. Introduction à l'histoire de l'Asie</i> . Paris. 1896	366
А. Н. Соболевскій. Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вѣковъ. Составилъ Д. А. Ростовскій. Посмертное изданіе. С.-Пб. 1895	384
М. В. Довнаръ-Запольскій. Описаніе рукописнаго отдѣленія Вилевской Публичной Библиотеки. Выпускъ первый. Вильна. 1895	387
— Книжныя новости	389
— Отчетъ командированнаго за границу приватъ-доцента Московскаго университета Василия Истрина за вторую половину 1894 года (<i>продолженіе</i>)	53
— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ)	85

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Пятидесятилѣтіе Императорскаго Русскаго Географическаго общества	1
— Наши учебныя заведенія: Объ опытаніяхъ врѣлости въ 1893 году	33
Д. Н. Анучинъ. А. П. Богдановъ (<i>некрологъ</i>)	58

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Р. Х. Леперъ. Тридцать тирановъ	97
А. О. Поспѣшилъ. О системѣ формъ латинскаго глагола	102
М. Н. Крашенинниковъ. <i>Vagis</i> (<i>продолженіе</i>)	127
В. В. Майковъ. Олимпійскій VII. Эпическій Пиндара въ честь Діагора Родосскаго, побѣдителя въ кулачной борьбѣ	135
М. Н. Ростовцевъ. Приложенія: I. Латинская надпись изъ Филиппополя. II. Греческая надпись изъ Филиппополя.	

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики	353
--	-----

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Редакторъ **В. Васильевскій**.

(Вышла 1-го іюня).

па докторскій диспутъ Грановскаго. Погодишь на диспутъ не былъ и ограничился довольно неблагосклонною статьей въ Москвитянинѣ; гдѣ говорилъ, что въ Бланшаровомъ Плутархѣ для юношества больше сказано о Сугеріи чѣмъ въ диссертациі Грановскаго. Иначе отнесся къ этой диссертациі С. М. Соловьевъ. Помню, что возражая Грановскому, онъ сказалъ: французскія коммуны, засушенные въ гербаріяхъ нѣмецкихъ ученыхъ, пышнымъ цвѣтомъ расцвѣли у васъ, какъ у Августина Тьерри. Впечатлѣніе диспута было сильное: Грановскому возражали его ученики, люди выросшіе подъ его вліяніемъ. Если теперь, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его смерти, такъ сильно обаяніе его имени, что же было тогда, когда онъ живой стоялъ передъ нами. Съ диспутомъ Грановскаго соединяется хотя мелкій, но знаменательный эпизодъ: кто то принесъ и кинулъ три хлопущки; объ этомъ было допесено въ Петербургъ. Послѣдовало распоряженіе: безъ билетовъ на диспуты не пускать.

Съ сожалѣніемъ расстаемся мы съ богатымъ содержаніемъ книги Н. П. Барсукова, въ надеждѣ, что читатели и сами найдутъ много другаго интереснаго, заключающагося въ этомъ трудѣ.

К. Вестушевъ-Рюминъ.

Léon Cahen, INTRODUCTION à l'HISTOIRE DE L'ASIE. Turcs et Mongols des Origines à 1405. Paris 1896.

Nous en sommes bien loin de pouvoir écrire l'histoire de l'orient musulman.

Houtsma, Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides, t. I, p. VI.

Со времени давно устарѣвшаго труда Дегины не было попытки дать полный обзоръ исторіи тюркскихъ и монгольскихъ народовъ; книга г-на Каёна имѣетъ цѣлью пополнить этотъ пробѣлъ. Въ рецензіяхъ на этотъ трудъ, появившихся во французскихъ журналахъ, между прочимъ указывалось на то, что авторъ въ теченіи пяти лѣтъ читалъ курсъ исторіи Средней Азіи въ Сорбоннѣ и такимъ образомъ былъ вполне подготовленъ къ своей работѣ. О курсѣ г-на Каёна говорилось и въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* ¹⁾, въ статьѣ С. О. Ольденбурга, изъ которой видно, что въ 1893—94.

¹⁾ Часть ССХСІІІ (1894 г. № 6), отд. 2, стр. 265.

учебномъ году г-нъ Кабнь читалъ своимъ слушателямъ курсъ исторіи и географіи Средней Азіи, начиная съ XIII вѣка по Р. Хр.; вѣроятно въ другіе года его курсъ касался также болѣе раннихъ періодовъ. Авторъ не говоритъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится его книга къ лекціямъ, читаннымъ имъ въ Сорбоннѣ ¹⁾; но во всякомъ случаѣ мы по ней можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе объ этомъ курсѣ, имѣющемъ для насъ большой интересъ: сколько намъ извѣстно, г-нъ Кабнь—единственный изъ западно-европейскихъ профессоровъ, признавшій возможнымъ читать общій курсъ исторіи Средней Азіи. Къ вопросу о значеніи книги г-на Кабна въ этомъ отношеніи мы позволимъ себѣ вернуться въ концѣ нашей рецензіи.

Уже первыя страницы книги заставляютъ насъ признать въ авторѣ выдающіяся достоинства лектора и преподавателя. Съ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ онъ соединяетъ умѣніе схватывать характерныя черты и посредствомъ нѣсколькихъ фактовъ дать характеристику цѣлаго народа или эпохи. Передъ нами рисуется живая и увлекательная картина исторіи среднеазиатскихъ кочевниковъ; остается вопросъ, насколько эта картина вѣрна дѣйствительности, другими словами, насколько авторъ изслѣдовалъ письменные источники и вообще произвелъ всю ту черную работу, относительно которой онъ не могъ опираться на труды предшественниковъ и безъ которой самыя блестящія обобщенія остаются только остроумными догадками.

Судя по заглавію, книга г-на Кабна представляетъ только начало другого сочиненія, задуманнаго еще гораздо шире; но о планѣ этого сочиненія авторъ въ предисловіи ничего не говоритъ, и остается невыясненнымъ вопросъ, какимъ образомъ обзоръ исторіи тюрковъ и монголовъ, посредниковъ между китайской и мусульманской культурой ²⁾, можетъ служить введеніемъ въ исторію Азіи.

Въ предисловіи г-нъ Кабнь въ краткихъ словахъ высказываетъ свой взглядъ на историческую роль тюрковъ и монголовъ и на тѣ причины, по которымъ эти даровитые народы, при своей превосходной военной организаціи, при довольно стройной системѣ управления и при полномъ уваженіи къ знанію, не создали ничего въ

¹⁾ По распредѣленію матеріала, характеру изложенія и т. п. книга вполне соотвѣтствуетъ общераспространенному представленію о печатномъ университетскомъ курсѣ.

²⁾ Такъ опредѣляетъ ихъ историческую роль самъ г-нъ Кабнь.

области культуры. „Все, что можно сделать саблѣй, турки и монголы сдѣлали“; но пожать плоды своихъ побѣдъ имъ не удалось. При столкновѣніи съ культурными народами кочевники уже не были дикарями и, даже при продолжительномъ вліяніи осѣдлой культуры, могли сохранить свою національность; но въ то же время они еще слишкомъ были варварами для того, чтобы самимъ оказать вліяніе на покоренныхъ и ассимилировать ихъ себѣ. Сложная умственная работа, необходимая для переработки въ національномъ духѣ и для дальнѣйшаго развитія культурныхъ идей, была не по сламъ кочевникамъ, воспитаннымъ въ духѣ строгой военной дисциплины и привыкшимъ только дѣйствовать, не разсуждал. Цивилизація дѣйствовала разлагающе на природныя достоинства кочевниковъ и въ то же время не дала имъ ничего взамѣнъ утраченнаго; вмѣсто болѣе высокихъ степеней умственной культуры они восприняли только разслабляющій мистицизмъ, буддѣйскій и мусульманскій. Вмѣстѣ съ воинственнымъ духомъ турки утратили также національное самосознаніе въ болѣе высокомъ смыслѣ, которое замѣнилось самымъ узкимъ и фанатичнымъ націонализмомъ. Уладокъ степныхъ доблестей ярче всего выражается въ контрастѣ между всемірпой имперіей Чингизъ-хана и жалкими, проникнутыми духомъ деспотизма и религіозной нетерпимости ханствами бухарскимъ, хивинскимъ и коканскимъ.

Соотвѣтственно этому взгляду на ходъ исторической жизни среднеазиатскихъ народовъ г-нъ Каѣнъ раздѣляетъ свой трудъ на пять книгъ: 1) съ древнѣйшихъ временъ до возникновенія ислама; 2) отъ начала арабскаго завоеванія до Чингизъ-хана; 3) Чингизъ-ханъ и его первые преемники; 4) эпоха монгольскаго владычества; 5) Тимуръ и торжество ислама. Собственно-исторической части книги предпосланъ географическій обзоръ Средней Азіи, главнымъ образомъ на основаніи разказовъ новѣйшихъ путешественниковъ.

Уже въ этомъ географическомъ очеркѣ, какъ во всей книгѣ г-на Каѣна, насъ неприятно поражаетъ пристрастіе автора къ этимологическимъ объясненіямъ личныхъ, географическихъ и этнографическихъ названій. Болѣе чѣмъ сомнительныя догадки (большею частью принадлежація Вамбери) вездѣ приводятся въ качествѣ несомнѣнной истины; столь же категорическимъ тономъ высказываются еще болѣе сомнительныя толкованія самого г-на Каѣна. Ограничимся приведеніемъ нѣсколькихъ, наиболѣе яркихъ примѣровъ. Слова *Кыпчакъ* и *Коби*, по мнѣнію г-на Каѣна (стр. 15), происходятъ отъ общаго тюрко-монгольскаго корня, означающаго „пустоту, пространство“; на основаніи

этого авторъ дальше (стр. 41—42) утверждаетъ, что первоначально было названіемъ страны и только чило этнографическое значеніе. Упомянутый въ сяхъ загадочный народъ Парь-Пуримъ (или Алъ Кабнь) (стр. 105) отождествляетъ съ хорасанцами. Имянскихъ источникахъ страна, гдѣ былъ основанъ, носить названіе *Анаръ*. На основаніи этимологическаго Чингизъ-ханъ оказывается родственникомъ Сельджуковъ. Иногда этимологическія толкованія обличаютъ не историческихъ познаній автора. О словѣ *Алтъ* го *„Алтъ, Улутъ“* на древне-тюркскомъ нарѣчій, *„Олутъ“* означаетъ „великій“; вслѣдствіе этого имя лана переводится „Grand Lion“ (стр. 178). Также другихъ сельджукскихъ именъ (на стр. 171 и дал. *Чакыръ*, на самомъ дѣлѣ бывшія названіями птиц *Pourfendeur“* и *„l'Étincelle, ou l'Éclair“*. Извѣстны и Тимуридовъ—*туримъ* (зять) у г. Кабна (стр. названіе рода „Keurékène“; этому слову приписывается *Bel“*, и оно сближается съ названіемъ племени *Белъ* таго въ орхонскихъ надписяхъ.

Мы вынуждены отмѣтить еще другой приемъ, столь же часто прибѣгаетъ г. Кабнь и который сколько знакомаго съ источниками по исторіи Сводитъ еще менѣе пріятное впечатлѣніе. Авторъ отдѣляетъ то, что было на самомъ дѣлѣ, отъ того, что должно было быть; и сколько разъ при извѣстіяхъ (безъ всякихъ оговорокъ), которыхъ и искать въ какихъ бы то ни было источникахъ. У г. Кабна, что среди народа *наймановъ* были и вѣръ — христіанства, буддизма и „манихейской (названной религіи“ (?) и что борьба между найманами иногда принимала религіозный характеръ (стр. 2) былъ гонителемъ не только мусульманъ, но и хазаръ, разнять муфтіи „передъ кашгарской мечетью“

1) Найманскій предводитель, завладѣвшій Туркестаномъ и Гольскимъ нашествіемъ.

2) На самомъ дѣлѣ имамъ Ала-Эддинъ былъ казненъ день къ воротамъ своей медресы.

велѣлъ повѣсить христіанскаго епископа передъ соборомъ (стр. 250); что при приближеніи монголовъ населеніе возстало противъ Кучлукъ во имя Христа, Мухаммеда, Мани и Будды (стр. 268); что отрядъ Джебэ-нойона ¹⁾ пришелъ изъ Кашгаріи въ Фергану, разбилъ около Оша и Маргелана нѣкоторые отряды враговъ, пытавшихся преградить ему путь, и двинулся дальше по лѣвому берегу Сыръ-Дарьи (стр. 281). Читатели песнециалисты едва ли повѣрятъ, что всѣми этими свѣдѣніями мы обязаны только фантазіи г. Кабна.

Едва ли г. Кабнъ прибѣгъ къ такимъ приемамъ, еслибы располагалъ достаточнымъ фактическимъ матеріаломъ. По мнѣнію французскихъ рецензентовъ г. Кабнъ *непосредственно* пользовался китайскими, арабскими, персидскими и тюркскими источниками. При чтеніи книги мы, однако, убѣждаемся, что авторъ писалъ исключительно на основаніи печатныхъ источниковъ и что даже выборъ послѣднихъ опредѣлялся только случайностью. Мы не замѣтили въ книгѣ г. Кабна никакихъ признаковъ сколько-нибудь научной критики источниковъ, вообще никакихъ слѣдовъ той кропотливой, часто мелочной работы, безъ которой, къ сожалѣнію, невозможно выясненіе истины. Чаше всего г. Кабнъ ссылается на составленную въ XVII вѣкѣ компіляцію Абулгази; зависимость Абулгази отъ Рашид-Эддина ему повидному извѣстна, такъ какъ по его замѣчанію (стр. 41) легенды, изложенныя у Абулгази, „были собраны и получили окончательную форму въ первой половинѣ XIII вѣка“ ²⁾. Несмотря на это, г. Кабнъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 94—95) утверждаетъ, что у тюрковъ еще въ XVII вѣкѣ сохранялись преданія объ отношеніяхъ ихъ предковъ къ китайцамъ, и въ доказательство приводитъ разказъ Абулгази о народѣ онгутовъ, буквально заимствованный у Рашид-Эд-дина ³⁾. Арабская географическая литература, доступная, благодаря прекраснымъ изданіямъ де-Гуе, каждому ориенталисту, осталась совершенно неизвѣстной г. Кабну. Говоря о *цефталитахъ* или абделахъ византійскихъ писателей, г. Кабнъ повторяетъ давно опровергнутое мнѣніе Дегиня, по которому это слово есть искаженіе персидскаго *аб-темитъ*, то-есть, „рѣчные телиты“, и сближаетъ этотъ народъ съ тюркскимъ племенемъ Тэлесъ (стр. 101), теорія, которая опровергается употребляемой арабскими и персидскими писателями формой *хай-*

¹⁾ Поджоводецъ Чингизъ-хана.

²⁾ На самомъ дѣлѣ Рашид-Эддинъ писалъ въ первые годы XIV вѣка.

³⁾ Рашид-Эд-динъ въ переводѣ проф. Березина. Введеніе, стр. 114—115.

талъ¹⁾ (множ. число *хятеле*). Говоря о походѣ Саманида Исмаила противъ тюрковъ и о взятіи имъ города Тараза, г. Кабнь (стр. 158) не понимаетъ этого названія и предлагаетъ читать Таваз, сближая это слово съ тюркскимъ названіемъ китайцевъ (*Табачъ*); между тѣмъ у арабскихъ географовъ постоянно упоминается городъ Таразъ (Таласъ), около нынѣшняго Аулие-ата.

При такихъ условіяхъ вполне естественно, что г. Кабнь прибѣгаетъ къ догадкамъ гораздо чаще, чѣмъ это было бы необходимо при болѣе основательномъ изученіи источниковъ. Догадки иногда очень удачны и лишній разъ свидѣтельствуютъ въ пользу блестящаго историческаго таланта автора. Такъ, по мнѣнію г. Кабна (стр. 242), Темучинъ навѣрное не подвергъ своего соперника Джамуху той жестокой казни, о которой говорятъ мусульманскіе источники, но по монгольскому обычаю далъ ему умереть „безъ пролитія крови“; и дѣйствительно, мы находимъ такое извѣстіе въ монгольскомъ сказаніи XIII вѣка²⁾, о которомъ г. Кабнь зналъ только по немногочисленнымъ цитатамъ, приведеннымъ въ сочиненіяхъ доктора Бретшнейдера. Но даже при такомъ талантѣ невозможно дать *правдивую* картину исторической жизни нѣсколькихъ народовъ на основаніи однихъ догадокъ. Мы остановимся только на тѣхъ промахахъ г. Кабна, которые имѣли существенное вліяніе на его представленіе о ходѣ этой исторической жизни, оставляя безъ вниманія мелкія хронологическія и другія неточности.

Критическаго изслѣдованія легендъ о происхожденіи тюркскихъ племенъ мы у г. Кабна не находимъ. Авторъ ограничивается тѣмъ, что выписываетъ изъ Абулгази имена миомческихъ предковъ тюрковъ и сближаетъ ихъ съ названіями историческихъ народовъ; насколько эти сближенія произвольны, можно видѣть изъ того, что имя *Минкъ* сближается съ названіемъ монгольскаго племени *Манутъ* (стр. 83), появляющагося въ исторіи только въ XII вѣкѣ. Въ качествѣ древнѣйшихъ тюркскихъ народовъ Абулгази называетъ кыпчаковъ, уйгуровъ, кангловъ, калачей и карлуковъ (у Рашид-Эддина приводится еще народъ агачери, который у Абулгази не упоминается и на который нашъ авторъ поэтому тоже не обращаетъ вниманія). Изъ

¹⁾ Г. Кабнь узналъ объ этой формѣ, повидимому, уже послѣ напечатанія книги, такъ какъ приводитъ ее только въ указателѣ; тѣмъ не менѣе онъ и здѣсь не отказывается отъ своего мнѣнія.

²⁾ Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ, т. IV, стр. 113—114.

этихъ пяти народовъ въ орхонскихъ надписяхъ VIII вѣка, по замѣчанію самого г. Каёна (стр. 41), названы только карлуки и уйгуры; за то, какъ въ этихъ надписяхъ, такъ и у мусульманскихъ писателей IX и X вѣковъ, мы находимъ цѣлый рядъ другихъ этнографическихъ названій, такъ что нѣтъ никакого основанія полагать, что названные у Абулгази народы дѣйствительно были древнѣе всѣхъ прочихъ. Между тѣмъ г. Каёвъ (стр. 112—113), говоря о дѣленіи тюркской имперіи на „четыре гегемоніи“ (по византійскимъ источникамъ), прибавляетъ: „Здѣсь мы находимъ дѣленіе на кипчаковъ (сѣверо-западъ), кангловъ, калачей и карлуковъ (центръ и востокъ); уйгуры Шестиградія (то-есть, *Алтышехра*, Кашгаріи) и Пятиградія (*Бишбаликъ*, то-есть, Урумчи и Турфанъ) не идутъ въ счетъ, такъ какъ они непосредственно подчинены одному изъ китайскихъ государствъ“. Относительно уйгуровъ г. Каёвъ (стр. 40) раздѣляетъ мнѣніе Вамбери, по которому слово *уйгуръ* употреблялось для обозначенія „образованнаго, культурнаго человѣка“; такое названіе, по предположенію г. Каёна (стр. 45) получили тюрки, поселившіеся въ бассейнѣ Тарима и тамъ принявшіе осѣдлый образъ жизни. Между тѣмъ, какъ извѣстно, уйгуры жили не только въ восточномъ Туркестанѣ и уже въ VIII вѣкѣ стояли во главѣ обширнаго *кочеваго* государства, центромъ котораго была мѣстность по Орхону.

Разказъ г. Каёна о внутреннемъ устройствѣ кочевыхъ государствъ тоже нельзя признать вполне точнымъ. Объ отношеніи тюркскаго кагана къ народу авторъ могъ составить себѣ довольно ясное представленіе на основаніи орхонскихъ надписей; оттого черты, которыми предводитель кочеваго народа отличался отъ обыкновенныхъ азіатскихъ деспотовъ, отмѣчены вѣрно; сравненіе проведено съ большимъ талантомъ: „Въ противоположность остальнымъ народамъ, у тюрковъ царь кормитъ свой народъ, одѣваетъ его, даетъ ему содержаніе (стр. 79).. Не только для того, чтобы кормить и одѣвать своихъ немущихъ подданныхъ, тюркскій ханъ ночью не спитъ, днемъ не отдыхаетъ; ради величія имени тюрковъ, ради національной славы онъ трудится и сражается ночью и днемъ. Египетскіе фараоны, персидскіе или ассирійскіе цари избивали массы народа для прославленія своего собственнаго имени или для возвеличенія своихъ боговъ; тюркскій каганъ думаетъ только о славѣ своего народа“ (стр. 78).

Столь же удачно опредѣленіе г. Каёна, по которому тюркскіе народы скорѣе могутъ быть названы военными отрядами: „ихъ великія націи принимаютъ имя своего начальника“ (стр. 79). Несмотря на

это, г. Каёнь приписываетъ тюркамъ пристрастiе къ китайскому бюрократическому устройству: „Въ этомъ военномъ обществѣ есть iерархiя, но нѣтъ кастовой аристократiи; вельможи (то-есть беки) скорѣе могутъ быть названы высшими чиновниками, чѣмъ аристократами. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда тюрки подвергались иному влiянiю, чѣмъ китайскому, они сохранили чисто-китайское уваженiе къ мандаринству. Нѣкоторые народы стремились къ аристократическому, другiе—къ демократическому идеалу; идеаломъ тюрковъ было правленiе бюрократическое“ (стр. 82). Сколько намъ извѣстно, военное устройство всегда благопрiятствуетъ развитiю и сохраненiю аристократическихъ привилегiй. Въ орхонскихъ надписяхъ беки, въ качествѣ высшаго сословiя, очень опредѣленно противопоставляются „черному народу“, причемъ верховная власть не всегда становится на сторону первыхъ; подробно описывается, какъ тюркскiе беки примирились съ китайскимъ владычествомъ, приняли китайскiе титулы и китайскiй образъ жизни; но „черный народъ“ не могъ забыть своей прежней имперiи; своихъ прежнихъ кагановъ и поднялъ возстанiе во имя тюркской национальности ¹⁾). Киргизское представление о „черной“ и „бѣлой“ кости еще яснѣе показываетъ, съ какой рѣзкостью идея наследственной аристократiи иногда выражалась у тюрковъ. Съ другой стороны мы не замѣчаемъ никакихъ слѣдовъ „мандаринства“. Терминъ *буюрукъ* В. В. Радловъ переводитъ посредствомъ слова „Beaste“, которое г. Каёнь (стр. 80) прямо замѣняетъ словомъ „мандарины“. Между тѣмъ въ надписяхъ отъ буюруковъ, какъ и отъ кагановъ, требуется не только мудрость, но и храбрость, изъ чего можно заключить, что эти „повелители“ (буквальное значенiе слова *буюрукъ*) то же принадлежали къ числу военныхъ начальниковъ; вѣроятно, слово буюрукъ — собирательное названiе для *шидовъ* и другихъ подчиненныхъ кагану начальниковъ отдѣльныхъ родовъ. Повидимому у древнихъ тюрковъ, какъ у западныхъ монголовъ въ эпоху Чингизъ-хана ²⁾) была только одна „культурная должность“ (если можно такъ выразиться)—должность хранителя печати (*тамгачи*), которому придается исключительно эпитетъ „*бильге*“ (мудрый) ³⁾). Вопреки мнѣнiю г. Каёна, мы не знаемъ ни одного примѣра, чтобы

¹⁾ Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, p. 440. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, pp. 99—100.

²⁾ Ср. D'Ohsson, Histoire des Mongols, I, 88.

³⁾ Radloff, Die alttürkischen Inschriften, 446. Thomsen, Inscriptions, 114.

тюрки ввели бюрократическое управление тамъ, гдѣ его раньше не было; не только въ Китаѣ, но и въ мусульманской Средней Азии тюрки нашли бюрократическое устройство уже готовымъ.

Вообще недостаточное изученіе исторіи арабскаго халифата и образовавшихся послѣ его распада персидскихъ государствъ не позволило г. Кабну дать правильной оцѣнки роли тюрковъ въ мусульманскомъ мірѣ. Авторъ не признаетъ въ арийскомъ населеніи Персіи и Средней Азии никакихъ военныхъ доблестей; даже своими успѣхами при Абу-Муслимѣ персы были обязаны исключительно „тюркскому мечу“ (стр. 147). Серьезное сопротивленіе арабы встрѣтили только со стороны тюрковъ; арийцы охотно подчинились арабамъ, и только распространеніе ислама среди нихъ представляло нѣкоторыя трудности, такъ что арабы должны были рѣшиться на „неслыханную“ уступку—допустить богослуженіе на персидскомъ языкѣ (стр. 125). На самомъ дѣлѣ уступки, сдѣланныя арабами согдійцамъ, были гораздо значительнѣе; по договору 741 г. согдійцамъ, раньше принявшимъ мусульманство, вопреки основнымъ постановленіямъ ислама, было разрѣшено вернуться къ своей прежней религіи. Послѣ долгихъ колебаній халифъ утвердилъ этотъ договоръ; его убѣдили, что только посредствомъ такихъ невѣроятныхъ уступокъ можно примирить съ арабскимъ господствомъ воинственное населеніе ¹⁾.

Какъ извѣстно, первыя тюркскія династіи въ Средней Азии образовались благодаря возвышенію начальниковъ султанской гвардіи, состоявшей главнымъ образомъ изъ тюрковъ. Г. Кабнъ, повидямому, полагаетъ, что всѣ эти тюрки были добровольными наемниками и искателями приключеній (стр. 143); о существованіи торговли невольниками и о приобрѣтеніи „гулямовъ“ путемъ покупики нѣтъ ни слова. На самомъ дѣлѣ даже основатель славной династіи газневидовъ, въ которомъ г. Кабнъ видитъ только предводителя наемниковъ (стр. 159, 161), нѣкогда былъ привезенъ торговцемъ рабами и жаловался на свою несчастную судьбу, что никто его не покупаетъ ²⁾.

Въ противоположность этимъ бывшимъ рабамъ предводителями первыхъ самостоятельныхъ тюркскихъ народовъ, завладѣвшихъ мусульманскими землями, были Сельджукиды и Караханиды. Какъ извѣстно, тѣ и другіе приняли исламъ еще до своего вступленія на мусульманскую почву. Г. Кабнъ утверждаетъ, что Сельджукукъ полу-

¹⁾ Tabari, Annales II, 1717--1718.

²⁾ The Tarikh-i-Baihaki ed Morley, Calcutta 1862, p. 287.

чиль отъ Саманида Мунтасира въ удѣль городъ Джендъ (въ низовьяхъ Сыръ-Дарья) и уже тамъ принялъ исламъ (стр. 171); между тѣмъ Джендъ не принадлежалъ Саманидамъ даже въ эпоху ихъ наибольшаго могущества, а Мунтасиръ, которому только на самое короткое время удавалось захватить въ свои руки тотъ или другой городъ, не могъ раздавать никакихъ земель. Караханидъ Иликъ, завоеватель Мавераннагра, у г. Каёна названъ язычникомъ (стр. 174), хотя до насъ дошли монеты съ его мусульманскими именами.

Г. Каёнъ справедливо полагаетъ, что во владѣніяхъ Караханидовъ тюркскія и китайскія идеи сохраняли ббльшую силу, чѣмъ въ государствѣ Сельджукидовъ, всецѣло подчинившихся вліянію ислама и персидской культуры. Устройство сельджукскаго государства описывается по „Книгѣ объ управленіи“ (*Сіясетъ-намэ*) знаменитаго везира Низам-ал-мулька, которой противопоставляется тюркское сочиненіе *Кудатку-биликъ*, составленное въ Семирѣчьи. Внимательное чтеніе „Сіясетъ-намэ“ показало бы г. Каёну, что взгляды главы персидской бюрократіи далеко не всегда тождественны съ взглядами его государя, особенно въ послѣднихъ главахъ, которыя должны были быть переданы властителю только послѣ смерти автора. Если везиръ настаиваетъ на томъ, что женщинамъ не слѣдуетъ позволять вмѣшиваться въ государственныя дѣла, то это, вопреки мнѣнію г. Каёна (стр. 182), отнюдь не является признакомъ упадка положенія тюркской женщины; очевидно, везиръ не привелъ бы въ доказательство своей мысли „свидѣтельство Камбиза, Дарія, Александра, Бузурджмихра (министра при Хозроѣ Ануширванѣ), пророка и святыхъ, талмуда и раввиновъ“, если бы въ дѣйствительной жизни не было фактовъ противоположнаго свойства, что въполнѣ подтверждается исторіей Сельджукидовъ. Содержаніе „Кудатку-биликъ“ излагается по переводу Вамбери, который уже самъ по себѣ очень сомнителенъ. Кромѣ того, вопросъ о томъ, насколько на „Кудатку-биликъ“ отразилось вліяніе персидскихъ идей и персидской литературы, еще остается открытымъ, и уже теперь есть большія основанія полагать, что это вліяніе окажется несравненно значительнѣе, чѣмъ полагали Вамбери и другіе. Г. Каёнъ видитъ чисто-китайское воззрѣніе даже въ сопоставленіи „людей меча“ и „людей пера“ (стр. 186), столь часто встречающемся въ мусульманской литературѣ.

При дальнѣйшемъ изложеніи исторіи тюрковъ г. Каёнъ прямо смѣшиваетъ сельджукидовъ съ Караханидами, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста его книги (стр. 192): „Могила Меликшаха еще те-

перь пользуется уваженіемъ въ Бухарѣ. Послѣ его смерти (1087 г.) ему наследовалъ Арсланъ-ханъ самаркандскій, послѣ смерти Арсланъ-хана—его сынъ Санджаръ“. Послѣдній изъ караханидовъ, Османъ, царствовавшій въ такое время, когда имя Чингизъ-хана едва ли было известно кому-нибудь въ Мавераннагрѣ, названъ „креатурой Чингизъ-хана и однимъ изъ предводителей тюркско-національной партіи“ (312—313).

Всѣ легенды о предкахъ Чингизъ-хана и о дѣтствѣ будущаго завоевателя принимаются г. Каёномъ на вѣру. По свидѣтельству историка Джувейни, приведенному уже д'Оссономъ, монголы до Чингизъ-хана не имѣли письменности, и самъ Чингизъ-ханъ только впослѣдствіи заимствовалъ алфавитъ у уйгуровъ и велѣлъ обучать ему знатныхъ юношей. У г. Каёна (стр. 234) Чингизъ-ханъ уже во время борьбы съ керантами не только переписывается со своими врагами, но даже издастъ, подъ видомъ писемъ, манифесты, предназначенные для всего народа. Разумѣется, такое освѣщеніе событій даетъ читателю совершенно невѣрное представленіе объ условіяхъ быта въ Монголіи въ эпоху Чингизъ-хана.

Авторъ справедливо отвергаетъ старое представленіе о монгольскихъ завоеваніяхъ, какъ о „нашествіи безчисленныхъ дикихъ племенищъ“ или „безсознательномъ движеніи огромныхъ волягъ народовъ“ (стр. 279). Мы находимъ въ его книгѣ довольно вѣрную картину геніальныхъ стратегическихъ плановъ Чингизъ-хана и его сподвижниковъ. Съ другой стороны дѣла управленія при Чингизъ-ханѣ еще не были приведены въ такой порядокъ, какъ полагаетъ г. Каёнъ; какъ извѣстно, почта была введена у монголовъ только при сынѣ Чингизъ-хана. Угэдэѣ; г. Каёнъ категорически утверждаетъ, что во время похода Чингизъ-хана на западъ часть его канцелярія находилась съ нимъ въ Трансоксианѣ, часть—въ Пекинѣ; однимъ изъ „курьеровъ“, поддерживавшихъ сообщеніе между обѣими канцеляріями, названъ китаецъ Чанъ-Чунъ (стр. 314)—мирный отшельникъ, совершившій путешествіе изъ Китая на западъ по особому приглашенію Чингизъ-хана.

Борьба національностей и религій въ монгольской имперіи, объединившей самые различные культурные народы, несомнѣнно представляетъ большой интересъ; но для правильнаго пониманія этой борьбы было необходимо изучить не только исторію того времени, но и ходъ культурной жизни каждаго народа въ до-монгольскій періодъ.

Свѣдѣнія г. Каёна и въ этомъ случаѣ отрывочны и случайны. Въ

эпоху монгольскаго вѣствованія въ Кульджинскомъ краѣ исламъ уже былъ господствующей религіей, къ которой принадлежали мѣстные владѣтели¹⁾; г. Кабнь считаетъ Алмалыкъ чисто-христіанскимъ городомъ, называетъ хана Озара „княземъ алмалыкскихъ христіанъ“ (стр. 265) и считаетъ его „добрымъ тюркомъ и добрымъ христіаниномъ“ (стр. 253). Мусульманскимъ министрамъ Чингизъ-хана и его преемниковъ приписывается фанатичный тюркскій и монгольскій патриотизмъ (стр. 272); на самомъ дѣлѣ эти богатые купцы, захватившіе въ свои руки выгодную торговлю съ кочевниками, снабжавшіе монголовъ деньгами по высокимъ процентамъ и вообще бывшіе главными представителями капитала, руководились только финансовыми расчетами. Благодаря своему богатству, они могли дороже другихъ платить за откупъ податей; естественно, что финансовое управленіе вездѣ мало-по-малу перешло въ ихъ руки. Г. Кабнь полагаетъ, что такіе люди, какъ *Ялвачъ* и другіе, не могли быть безъ дальнихъ словъ переведены куда-нибудь въ Китай или въ Россію, что они были необходимы на своей родинѣ (стр. 411); на самомъ дѣлѣ именно *Ялвачъ* долженъ былъ покинуть свою родину изъ-за столкновенія съ *Джагатаемъ* и получилъ мѣсто въ Китаѣ²⁾.

Какъ извѣстно, институтъ епископовъ совершенно чуждъ исламу, и власть главныхъ муфтіевъ, казіевъ и т. п. опредѣляется политическими границами отдѣльныхъ государствъ. Главѣ бухарскаго духовенства (*садру*) нѣкоторое время принадлежала и свѣтская власть въ его родномъ городѣ; но нѣтъ никакихъ основаній полагать, что его авторитетъ признавался и въ другихъ мѣстностяхъ. Г. Кабнь изъ того, что во время пребыванія въ Бухарѣ путешественника *Ибнъ-Батуты* садръ возвращался изъ Герата, дѣлаетъ выводъ, что „епархія“ бухарскаго садра простиралась до этого города (стр. 416). Въ связи съ такимъ представленіемъ г. Кабнь приписываетъ тюркскимъ мусульманамъ мечту о „тюркскомъ правобѣрномъ папѣ, который бы жилъ въ Мавераннагрѣ“ (стр. 326).

Значеніе курултая, то-есть монгольскаго народнаго собранія, сильно преувеличено г-мъ Кабнемъ. Съѣздъ монгольскихъ царевичей и вель-

¹⁾ Труды Пек. миссіи IV, 304.

²⁾ О роли Махмудъ-Ялвача въ Китаѣ говорятъ какъ мусульманскіе историки (*Джувейни*, *Вассафъ* и *Рашидъ-Эддинъ*), такъ и монгольское сказаніе XIII вѣка (Труды Пек. миссіи IV, 149). О столкновеніи *Ялвача* съ *Джагатаемъ* говоритъ *Рашидъ-Эддинъ*, въ главѣ о „наибяхъ“ (министрахъ) *Джагатая*.

можъ, подобно первоначальному германскому рейхстагу, болѣе походилъ на парадъ, въ которомъ во всемъ блескѣ проявлялось могущество властителя, чѣмъ на представительное собраніе, созывавшееся для рѣшенія государственныхъ вопросовъ или избранія новаго государя. Правильные выборы съ собираніемъ голосовъ и т. п., совершенно неизвѣстны кочевникамъ¹⁾; провозглашеніе хана на курултаѣ было одной формальностью. Самый фактъ пріѣзда того или другого царевича на курултаѣ былъ равносмысленъ признанію нравъ соотвѣтствующаго кандидата на престолъ; лица, не желавшія признать новаго хана, не являлись на курултаѣ. Такимъ образомъ на курултаѣ происходилъ не актъ избранія, а только актъ провозглашенія хана, торжественной присяги и торжественнаго восшествія его на престолъ; все это сохранилось до конца монгольскаго владычества и, вопреки мнѣнію г. Каѣна (стр. 396)—въ отдѣльныхъ случаяхъ борьбы за престолонаслѣдіе отнюдь нельзя видѣть борьбу „за избирательную систему и древне-монгольское право“. Такія же собранія существовали въ джагатайскомъ государствѣ; по словамъ Ибнъ-Батуты, монгольскіе и тюркскіе князья ежегодно собирались на „той“ (пирь), гдѣ производился судъ надъ преступленіями знатныхъ эмировъ, иногда и самого хана; послѣдняго, если признавали его виновнымъ, торжественно смѣщали съ престола. Разумѣется, обрядъ смѣщенія хана могъ происходить только тогда, когда власть фактически уже находилась въ рукахъ другаго лица, такъ что и здѣсь все сводилось къ простой обрядности. Г. Каѣнъ (стр. 420) серьезно называетъ „той“ „ежегодно созывавшимся парламентомъ“.

Уничтоженіе старыхъ польностей и окончательное утвержденіе мусульманскаго деспотизма г. Каѣнъ приписываетъ Тимурѣ. Характеристику знаменитаго завоевателя нельзя признать удачной. Съ одной стороны намъ говорятъ, что Тимуръ въ своихъ дѣйствіяхъ руководился только холоднымъ разчетомъ и что ему были совершенно чужды „эпическіе замыслы“ Темучина (стр. 452); съ другой стороны мы узнаемъ, что не только самъ Тимуръ (стр. 447), но и его сподвижники (стр. 456) находились подъ вліяніемъ прочитанныхъ ими рыцарскихъ романовъ. По мнѣнію г. Каѣна (стр. 463), представленіе о жестокостяхъ Тимура возникло только благодаря преувеличеніямъ его враговъ—османовъ, персовъ, кипчаковъ и арабовъ; между тѣмъ до-

¹⁾ См. также *W. Radloff, Das Kudaiku Bilik, Theil I, Text in Transcription, p. LIII.* Радловъ. Къ вопросу объ уйгурахъ. С.-Иб. 1893, стр. 69.

статочное число примѣровъ крайней жестокости мы находимъ въ официальной исторіи Тимура, написанной по приказанію его преемника Шереф-Эддиномъ Іезди. Г. Каѣнъ, повидимому, совершенно не пользовался: этимъ сочиненіемъ и всѣ свои свѣдѣнія заимствовалъ изъ такъ называемой автобіографіи Тимура, не считая нужнымъ опровергнуть вѣскіе доводы противъ ея подлинности, высказанные д-ромъ Реп.

Несомнѣнно, что Тимуръ вездѣ оказывалъ особенное вниманіе мусульманскому духовенству и этимъ привлекалъ его на свою сторону; но и эта сторона дѣятельности Тимура значительно преувеличена нашимъ авторомъ. Изъ словъ его (стр. 473) можно бы заключить, что только при Тимурѣ имамы и сеиды были признаны первенствующимъ сословіемъ; между тѣмъ въ приказахъ Газанъ-хана, царствовавшего на 100 лѣтъ раньше Тимура, сеиды названы даже впереди членовъ ханскаго рода¹⁾. Столь же несправедливо было бы полагать, что только при Тимурѣ „гражданское судопроизводство вполнѣ слилось съ духовнымъ“ (стр. 475). Извѣстное прозваніе Тимура „Сахибъ-Кыранъ“, то-есть обладатель счастливой звѣзды“, г. Каѣнъ читаетъ „Сахибъ-Коранъ“ и переводитъ: „Possesseur de Sainte-Écriture“ (стр. 470)!

Переустройство государства на религиозныхъ началахъ, по мнѣнію г. Каѣна, было связано съ нарушеніемъ тюркскихъ привилегій. Тимуръ, по словамъ нашего автора, въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ осторожно и, чтобы не оскорбить слишкомъ усердныхъ приверженцевъ ханскаго рода, устраивалъ обрядъ своего торжественнаго восшествія на престолъ влѣдъ предѣловъ джагатайскаго государства, въ Балхъ (стр. 469); на самомъ дѣлѣ Балхъ уже давно принадлежалъ джагатайскимъ ханамъ. Никакими фактами не подтверждаются слова г. Каѣна, что при Тимурѣ тюркское дворянство, лишенное земельной собственности, вернулось къ кочевой жизни (стр. 476).

Въ военныхъ предпріятіяхъ Тимура г. Каѣнъ видитъ только рядъ отдѣльныхъ войнъ, болѣе или менѣе случайныхъ, безъ всякихъ обширныхъ завоевательныхъ плановъ (стр. 464—465); даже походъ противъ Китая былъ предпринятъ не для завоеванія этой страны, а только для защиты Туркестана отъ китайскаго нашествія (стр. 500). На какихъ основаніяхъ Тимуръ могъ предполагать подобный замыселъ со стороны богдыхана, объ этомъ не говорится.

На нашъ взглядъ идея всемірнаго владычества при Тимурѣ еще не была оставлена; только при сынѣ Тимура, Шахрохѣ, заботы о мир-

¹⁾ D'Ohsson, IV. 422.

номъ развитіи страны, о процвѣтаніи науки и литературы окончательно получили преобладаніе, и грандіозныя завоевательныя планы больше не возобновляются. Говоря о сношеніяхъ Шахроха съ китайскимъ императоромъ (стр. 500), г. Каѣнъ оставляетъ безъ вниманія характерный фактъ, что богдыханъ въ своихъ письмахъ обращается къ Шахроху, какъ къ своему вассалу, и Шахрохъ, владѣвшій почти такою же обширною имперіей, какъ его отецъ, не оскорблялся такимъ тономъ и отвѣчалъ богдыхану самыми почтительными письмами и посольствами.

При Тимурѣ и Тимуридахъ вѣдшая культура Трансоксианы достигла высшей степени развитія; вездѣ возстановлялись прежніе оросительные каналы и города, строились новыя, возводились великолѣпныя зданія, принимались мѣры къ развитію промышленности. Въ послѣднемъ г. Каѣнъ видитъ желаніе подорвать „промышленную гегемонію“ Китая (стр. 506); между тѣмъ описаніе Мавераннахра, которое мы находимъ у арабскихъ географовъ X вѣка, показываетъ, что уже тогда производилось различныя ткани, бумага и т. п. достигло широкой степени развитія и о „гегемоніи“ Китая въ этомъ отношеніи уже тогда не могло быть рѣчи.

Въ литературѣ временъ Тимуридовъ г-нъ Каѣнъ видитъ признаки широкаго развитія тюркскаго національнаго чувства. По его словамъ, „люди трансоксанскаго возрожденія“ писали на джагатайскомъ языкѣ, а не на персидскомъ, какъ прежде; отдѣльныя тюркскія писатели были и раньше, но „языкомъ двора и языкомъ ученыхъ“ былъ персидскій языкъ, какъ видно изъ написанныхъ по повелѣнію монгольскихъ хановъ историческихъ сочиненій Джувейни, Рамид-Эддина, Вассафа и др. (стр. 507—508). Между тѣмъ по повелѣнію Тимура и Тимуридовъ также по-персидски были написаны историческія сочиненія Шами, Шереф-Эддина Іезди, Хафиз-Абру, Абдуррезака Самарканда, и вообще персидскій языкъ до новѣйшихъ временъ остался языкомъ среднеазиатской исторической литературы.

Не смотря на это, тюркская литература временъ Тимуридовъ представляетъ много характернаго и даже заслуживала бы болѣе подробнаго разсмотрѣнія, чѣмъ то, которое мы находимъ въ книгѣ г-на Каѣна. Связь со старыми преданіями была порвана принятіемъ ислама, и Бабуръ въ своихъ „Запискахъ“ очень опредѣленно вооружается противъ слѣпаго повиновенія завѣту предковъ; но столь же невозможно было слѣпое подражаніе мусульманскимъ образцамъ; слишкомъ еще было живо тюркское національное чувство. Не увлекаясь рито-

рическими красотами персидскаго слога, тюркскіе писатели вполнѣ сознательно ¹⁾ стремились къ простотѣ и ясности выраженій; въ лицѣ Бабура мы видимъ писателя, которому основательное мусульманское образованіе не мѣшало сохранить въ своихъ произведеніяхъ простоту и безыскусственность тюркской разговорной рѣчи. Уже одинъ этотъ фактъ показываетъ, что турки не были неспособны къ самостоятельной переработкѣ культурныхъ идей, и что объясненія культурной отсталости Средней Азии слѣдуетъ искать въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, на которыя указывалъ еще Риттеръ: прочное развитіе цивилизаціи невозможно въ странѣ, которая въ теченіи всей своей исторической жизни не переставала быть полемъ битвы самыхъ различныхъ народовъ. Г-нъ Каёвъ не говоритъ ни слова о завоеваніи культурныхъ государствъ Тимуридовъ полудикими узбеками; изъ его словъ можно заключить, что упадокъ трансоксаанской культуры былъ вызванъ только пресыщеніемъ: „Въ XVI столѣтіи жертва была совершена; тюркъ всецѣло отказался отъ духовной власти въ пользу *мира* ¹⁾), отъ свѣтской—въ пользу султана. Независимые и непокорные люди удалились вмѣстѣ съ Бабуромъ искать счастья въ Индію... Въ XV вѣкѣ церковь еще не выступала прямо противъ искусствъ и веселой жизни; она позволяла тюркамъ строить, рисовать и напиваться до тѣхъ поръ, пока они не убѣдились въ суетности всего этого“ (стр. 503—504). Какъ извѣстно, удаленіе Бабура въ Индію было вызвано именно успѣхами узбековъ и вовсе не имѣло характера протеста противъ религіознаго и политическаго деспотизма.

Мы привели только очень незначительную часть фактическихъ невѣрностей, допущенныхъ г-номъ Каёвымъ; можетъ быть намъ не вездѣ удалось выбрать наиболѣе крупныя изъ нихъ; но уже изъ сказаннаго, какъ мы надѣемся, ясно, что блестящая въ чисто-литературномъ отношеніи книга г-на Каёва отнюдь не пополняетъ пробѣла въ *научной* литературѣ. Мы не считаемъ трудъ г-на Каёва совершенно бесполезнымъ; въ его книгѣ иногда высказываются широкія и плодотворныя идеи, которыми навѣрное воспользуются будущіе историки; отъ вниманія ученыхъ изслѣдователей часто ускользають такія явленія, истинное значеніе которыхъ можетъ выяснитъ только

¹⁾ Ср. слова Бабура, приведенныя въ Memoirs of Baber. transl. by Erskine. London 1826, p. 392.

¹⁾ Пирами, какъ извѣстно, называются главы мусульманскихъ духовныхъ орденовъ.

художникъ. По съ точки зрѣнія той цѣли, которую поставилъ себѣ г-нъ Кабнъ, мы можемъ только пожалѣть о томъ, что онъ употреблялъ свое блестящее дарованіе на дѣло, заранѣе обреченное на неудачу.

Въ качествѣ эниграфа къ своей рецензіи мы привели мнѣніе извѣстнаго голландскаго ориенталиста о невозможности дать въ настоящее время полный обзоръ исторіи мусульманскаго міра. „Исторія ислама“ покойнаго А. Мюллера нисколько не опровергаетъ этого взгляда. А. Мюллеръ, какъ видно уже изъ его предисловія, не задался цѣлью дать всестороннюю оцѣнку культурной жизни мусульманскаго міра; онъ хотѣлъ только составить руководство, которое должно было „представить читателю вѣрную картину достигнутыхъ до сихъ поръ наукой результатовъ“ ¹⁾). Относительно исторіи Средней Азій даже эта скромная задача оказалась неосуществимой; добросовѣстный авторъ не скрылъ отъ насъ и этого обстоятельства и при изложеніи исторіи монгольскаго нашествія оговорился, что не беретъ на себя полной ответственности за эту часть своей книги ²⁾). Даже для составленія подробной справочной книги по исторіи Средней Азій было бы необходимо обратиться къ рукописнымъ источникамъ; г. Кабнъ имѣлъ въ виду несравненно болѣе широкую задачу, но матеріалъ для ея осуществленія въ настоящее время не могли бы доставить ему даже самые добросовѣстные труженики.

Книга г. Кабна, какъ мы сказали выше, имѣетъ для насъ еще другое значеніе; она является результатомъ его университетскихъ чтеній, представляющихъ собой единственную извѣстную намъ попытку общаго курса исторіи Средней Азій. Поэтому нашимъ приговоромъ объ этой книгѣ опредѣляется также наше отношеніе къ идеѣ такого курса. Мы вполне признаемъ, что современный университетскій преподаватель исторіи не можетъ ограничиваться перечнемъ вѣдшихъ фактовъ, что для него главное значеніе имѣетъ ходъ исторической эволюціи и вообще тѣ обобщенія, къ которымъ приводятъ насъ рядъ фактическихъ данныхъ. Мы утверждаемъ только, что для такихъ обобщеній по исторіи Средней Азій еще не настало время. Преподаватель всеобщей или русской исторіи имѣетъ возможность указывать своимъ слушателямъ руководства и пособія, гдѣ они могутъ найти необходимыя фактическія данныя, повтореніе которыхъ не входитъ въ программу лекцій; для исторіи Средней Азій подобныхъ руководствъ до

¹⁾ Зап. Вос. Отд. Арх. Общ., VII, 332 (статья барона В. Р. Розена).

²⁾ Müller, Der Islam im Morgen-und Abendland, II, 211.

сихъ поръ нѣтъ, а слушатели знакомятся съ внѣшними фактами только изъ лекцій преподавателя. Поэтому изданіе подобной справочной книги (не претендующей, подобно книгѣ г. Каёна, на широкія обобщенія) несомнѣнно было бы очень полезно для дѣла университетскаго преподаванія исторіи востока.

Мы не будемъ касаться принципиальнаго спора между приверженцами лекціонной системы и приверженцами системы „семинарій“ (то-есть, практическихъ упражненій) въ университетскомъ преподаваніи. Первые, навѣрное, согласятся съ тѣмъ, что для общихъ обзоръ необходимы детальныя изслѣдованія; между тѣмъ мы не знаемъ ни одной монографіи, въ которой была бы удовлетворительно (съ точки зрѣнія современныхъ научныхъ требованій) разработана кака-нибудь эпоха исторіи мусульманской Средней Азіи.

Такимъ образомъ вопросъ о преимуществахъ той или другой системы въ данномъ случаѣ разрѣшается самъ собой.

Строго-научнаго изслѣдованія прошлаго среднеазиатскихъ народовъ ученый міръ вправдѣ ожидать преимущественно отъ представителей науки въ Россіи, для которой выясненіе хода исторіи Средней Азіи имѣетъ не только чисто-теоретическое значеніе. Значительная часть тѣхъ странъ, гдѣ проходила историческая жизнь этихъ народовъ, находится теперь въ русскихъ предѣлахъ; другія страны изслѣдованы въ географическомъ отношеніи русскими путешественниками; въ Петербургѣ сосредоточены богатѣйшія собранія рукописныхъ источниковъ для исторіи Средней Азіи. Интересъ къ изученію прошлаго нашихъ окраинъ замѣчается и теперь, особенно со стороны той части русской интеллигенціи, которая непосредственно призвана тамъ дѣйствовать; но для успѣшности работъ людей, живущихъ вдали отъ научныхъ центровъ, необходимы такія условія, которыхъ до сихъ поръ нѣтъ. Въ этомъ отношеніи мы вполне раздѣляемъ взглядъ, недавно высказанный на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* ¹⁾ проф. Н. И. Веселовскимъ по поводу одной книги, напечатанной въ Ташкентѣ: „Есть знаніе мѣстныхъ языковъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, есть трудолюбіе, есть нравственная и матеріальная поддержка высшей администраціи края, но недостаетъ школы, которая дала бы направленіе ученымъ работамъ, которая научила бы, какъ надо работать, показала бы, надъ чѣмъ стоитъ трудиться, надъ чѣмъ трудиться не стоитъ“. Пишущій эти строки

¹⁾ 1896 г., январь; отд. II, стр. 226—227.

на основаніи своего личнаго опыта можетъ засвидѣтельствовать, что подобный взглядъ вполне раздѣляется лучшими изъ мѣстныхъ дѣятелей; но къ сожалѣнію, образованіе подобной школы на окраинѣ, гдѣ люди могутъ посвящать наукѣ только часы досуга, совершенно невозможно. Наиболѣе дѣйствительными мѣрами къ удовлетворенію этой потребности были бы, по нашему убѣжденію, изданіе справочной книги по исторіи Средней Азіи для студентовъ и мѣстныхъ дѣятелей (съ потребными библиографическими указаніями) и нѣкоторыя измѣненія въ постановкѣ преподаванія исторіи востока съ усиленіемъ преподавательскаго персонала, при чемъ прежде всего было бы необходимо введеніе практическихъ занятій въ томъ видѣ, въ какомъ эти занятія уже примѣняются преподавателями русской и всеобщей исторіи. Образованіе подобной „школы“ въ Петербургѣ несомнѣнно оказало бы вліяніе на ходъ работъ мѣстныхъ дѣятелей, хотя бы благодаря тѣмъ воспитанникамъ факультета восточныхъ языковъ, которые будутъ приведены судьбой въ Туркестанскій край. Въ случаѣ успѣха дѣла добросовѣстные изслѣдователи, прошедшіе эту школу, несомнѣнно произведутъ тѣ детальныя изслѣдованія, безъ которыхъ невозможны болѣе широкія обобщенія, и если тогда къ составленію общаго обзора исторіи Средней Азіи приступить человекъ съ такимъ талантомъ, какъ г. Кабнь, его трудъ навѣрное будетъ имѣть иной результатъ.

В. Бартольдъ.

Подробный словарь русскихъ гравировъ XVI—XIX вѣковъ. Составилъ Д. А. Ровинскій. Посмертное изданіе. Со многими цинкографіями въ текстѣ. Спб. 1895 годъ.

Прекрасный трудъ покойнаго Д. А. Ровинскаго по исторіи русской гравюры вторично изданъ Академіею Наукъ съ исправленіями, значительными дополненіями и нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ. Въ немъ наша литература имѣетъ произведеніе, которому мало равныхъ въ большихъ европейскихъ литературахъ и которому нѣтъ равнаго ни въ одной изъ литературъ славянскихъ ¹⁾). Но не смотря на

¹⁾ Въ польской литературѣ имѣется двѣ книги, однородныхъ съ „Словаремъ“ Ровинскаго: 1) *Kołaczkowski*, *Słownik rytowników polskich, tudzież obcych w Polsce zamieszkałych od najdawniejszych czasów*, Lwów, 1874, и 2) *Rastawiecki*, *Słownik rytowników polskich, tudzież obcych w Polsce osiadłych, lub czasowo w*